

Дарья Прокопьева

ЛЮБАША

• сказка о том, что не принято рассказывать детям •

Дарья Прокопьева

Любаша

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68517245

SelfPub; 2022

Аннотация

Бабушка с раннего детства рассказывала Сёме сказки, разные сказки: смешные и грустные, страшные и избавляющие от страхов, но неизменно – правдивые. Так он думал, когда ему было шесть, семь, восемь лет. Но теперь Сёме десять, и он не верит в глупые истории о домовых о водяных. Хотя, может быть, стоило.

Дарья Прокопьева

Любаша

Сёма терпеть не мог ездить к бабушке. Нет, не то чтобы он не любил бабу Глашу – она была очень добрая, в Сёме души не чаяла. Каждый раз, когда он приезжал, бабушка наготовлявала целый стол: варёную картошку с укропчиком, круглые мясные котлетки и обязательно блинчики, ажурные, в меру сладкие, самое то со сметаной!

Ещё она любила разговаривать с Сёмой. Бабе Глаше не надоедали его многочисленные вопросы и такие же многочисленные просьбы рассказать «что-нибудь интересное». Когда он просил, она важно кивала, хлопала ладонью по дивану рядом с собой и, дождавшись, пока Сёма устроится поудобнее, заговаривала тягучим, чуть поскрипывающим голосом.

– Давным-давно, когда не родились ещё не твои мама с папой, ни я, мир наш был полон чудес. По земле вровень с людьми ходили лешие и полевики, домовые и банники, и нельзя было шагу ступить, не уважив какого-нить духа. То был закон: хочешь взять что-нибудь у Природы – изволь дать что-нить взамен. Просили по-разному. Кому-то достаточно было катушки ниток, кто-то требовал жемчуга да янтарные бусы, а некоторые... некоторые, да, требовали подарить им дитятку.

Но детей просили только по важным поводам. Например,

ежели лето засушливым оказалось. Хочешь, чтобы дождик раньше срока полил – иди на поклон к ветру, бей челом, моли тучку какую пригнать. А взамен, да, дитятку свою отдавай. Навсегда или не навсегда, тут уж от ветра зависело. Какие-то брали в услужение на три года, а какие-то ждали, пока дитяtko вырастет в красну девицу – да в жёнки её забирали!

– Навсегда? – в такие моменты шёпотом уточнял Сёма.

– А то как же! – веско кивала баба Глаша. – В жёнки-то по-другому нельзя!

Но не все истории бабы Глаши были о прошлом. Она говорила, что духи никуда не девались, хотя люди и перестали их замечать. И всё же если очень постараться, иногда краем глаза можно было увидеть: бледную мавку на краю озера, похожую на фигуру тень между деревьев или ручку ушлого домового, тянущегося к печению на столе.

Когда-то Сёма в это даже верил. Например, в шесть лет. И в семь. А в восемь он пошёл в школу, и верить в бабушкины рассказы вдруг стало неправильным и постыдным. Они начали постепенно стираться из памяти, будто сами собой. Так что, когда девятилетний Сёма приехал к бабушке на летние каникулы, он больше не просил рассказать что-нибудь интересное и не садился рядом с ней на скрипучий диван. Тогда каникулы у бабы Глаши впервые стали скучными.

В этот раз было так же, хотя на этот раз его отправили в деревню не на каникулы. В школе объявили карантин, младшеклассникам сказали недельку посидеть дома – так, на вся-

кий случай. Большинство дома и остались, но мама Сёмы сказала, что не сможет нормально за ним присматривать, и быстренько снарядила сына к бабушке.

Баба Глаша была рада. Она встретила Сёму на автовокзале – он очень гордился, что его отправили одного, пускай и под присмотром дядь Бори, водителя автобуса. Когда Сёма спрыгнул со ступенек, баба Глаша уже ждала его с распротёртыми объятиями. Он немного покраснел, но всё же позволил ей обнять себя, вот так, у всех на виду. Про себя Сёма бормотал, что это ничего страшного: знакомых ребят в деревне не было, никто ему ничего не скажет.

Вот именно это-то и было его главной проблемой и радостью в деревне.

Как-то сложилось, что Сёма не нашёл друзей среди местных. Сначала ему было всё равно: маленьким он хвостиком таскался за бабушкой, ходил смотреть на коз и коров, ловить жучков в огороде – и ничего больше было не надо. Но, постепенно, всё это потеряло интерес. Сёме хотелось играть в городки и вышибалы, пытаться выкрутить «солнышко» на качелях, поймать кого-нибудь в жмурках. Вот только местные ребята смотрели на него свысока, как на маленького, и в свою компанию не брали. А делать «солнышко» в одиночестве было совсем не так весело! В том числе потому, что у Сёмы не получалось.

– Эх, – тяжело вздохнул он.

Сёма стоял в отведённой ему дальней спальне и тоскли-

во глядел в окно. По двору мирно ходили и что-то клевали куры, бабушка развешивала на верёвках бельё: наклонялась к белому тазу с треснувшей стенкой, тяжело распрямлялась, встряхивала кофту в руках и неожиданно лихо забрасывала наверх.

Повисшая ткань колыхалась на ветру, будто парус, и Сёма вспомнил «Остров сокровищ». Книгу про пиратов ему прочитал папа – не целиком, Сёма многого не понял и быстро начал зевать, – но с тех пор мысль о бороздящих моря кораблях его не оставляла. Хорошо было бы родиться на пару столетий пораньше, забраться тайком на какой-нибудь парусник и отправиться в приключение!..

– Э-эх, – Сёма вздохнул с ещё больше тоской.

Приключение ему не светило. У бабы Глаши не было на книжных полках ни «Острова сокровищ», ни расхваленного папой «Капитана Блада», ни какого-нибудь «Тарзана». Только скучные серые томики без картинок да детские истории, которые Сёма то и дело забывал тут после каникул и из которых давно уже вырос.

Иногда Сёма думал, что он уже вырос и из того возраста, когда детей положено отправлять к бабушке на каникулы или на время карантина. Маме совсем не обязательно было за ним присматривать! Пока они с папой были на работе, Сёма прекрасно бы справился сам: он спокойно кипятил чайник, мог наделать себе бутерброды или съесть вчерашний ужин – разогреть, правда, боялся, но котлетки и холодными ни-

чего!..

– Не засиделся ещё, Сёма? – он быстро обернулся на голос.

Оказалось, в своей тоске Сёма и не заметил, как бабушка закончила развешивать вещи. Сейчас она стояла на пороге, потирая замёрзшие руки, и смотрела на него внимательно, с хитрым прищуром.

– Хоть бы на улицу подышать вышел. Свежо!

«Свежо» в словаре бабушке заменяло слово «холодрыга».

Весна в этом году вышла не самой приятной: было начало апреля, а кое-где в области даже высыпал снег. Сёма читал об этом в газете – баба Глаша иногда просила почитать вслух, ссылаясь на больные глаза.

– Давай-давай, – настаивала меж тем она. – Я видела, на площадке детвора какая-то собралась. Поиграйте вместе, поболтайте. Страшилки хоть порассказывайте!

Сёма закатил глаза – ну какие страшилки! Хотя его истории когда-то были самыми страшными в пришкольном лагере. Он просто пересказывал то, что в детстве услышал от бабушки – а ребята потом неделями с опаской поглядывали то на воду в бассейне, то на густо заросший парк. Вожакие сильно ругались и уверяли, что водяные и лешие водятся только в настоящих озёрах и чашах. Убедить ораву третьеклассников в том, что водяных и леших нет вовсе, им не удавалось.

Чего уж там – даже сам Сёма иногда замирал на мгновение, прежде чем сунуть ногу в воду. Он, конечно, своих же

историй не боялся, но мало ли что?

– ...или чем вы там сейчас занимаетесь, – продолжала бабушка, уже снявшая верхнюю одежду. – Ну, чего дома-то сидеть?!

Ответа на этот вопрос у Сёмы не нашлось. Что дома, что на улице было одинаково скучно и, чего уж там, одиноко. Спорить с бабушкой не было смысла, так что он ещё раз вздохнул – на этот раз тихонько, но всё так же тоскливо – и поплёлся в прихожую натягивать курточку.

– Только далеко не отходи, – наставляла его бабушка. – Не дальше площадки.

– Лаадно, – протянул Сёма, будто делая одолжение, хотя на самом деле никуда больше и не собирался. – Я ненадолго. Бабушка только покивала ему вслед и притворила дверь.

Сёма оказался прав: на улице и правда была холодрыга.

Едва выйдя наружу, он тут же оглянулся на дом – но не решил сразу же идти обратно. Потерев уже наверняка покрасневший нос, Сёма повыше подтянул шарфик и поплёлся на детскую площадку.

С городской она, конечно, не шла ни в какое сравнение. Если дома Сёма мог лазать по турникетам, кататься на горке в виде сказочного терема, качаться на деревянном богатырском коне и прыгать по пенькам к избушке на курьих ножках, то здесь...

Изо рта Сёмы вырвалось едва заметное облачко пара.

Ну, здесь площадка была маленькой, всего лишь какой-то пятачок. На нём уместилось немного: песочница для малышей, металлическая качелька на двоих, один аттракцион-вертушка и пара обычных качелей – тех, на которых можно при желании сделать «солнышко». Чуть подальше, Сёма знал, можно было найти поле, которое использовали то под футбол, то под волейбол. Сейчас криков оттуда не доносилось, никто не играл.

Других детей вообще почти не было. Только на «вертушки» кружились двое мальчишек помладше, почти детсадовцы. Сёма посмотрел на них чуть свысока – ну вот о чём ему с ними разговаривать! – и прошёл мимо, плюхнулся на качель.

Раскачиваться сильно не хотелось. Он еле-еле оттолкнулся и поднял ноги повыше, чтобы не тормозить движение. Горизонт перед его глазами ушёл сначала вниз, потом – вверх.

Вниз-вверх, вниз-вверх. Сёма смотрел на линию неба, пока не закружилась голова, и лишь потом отвернулся. И с удивлением обнаружил, что за ним, стоя у самой качели, наблюдает незнакомая девчонка в натянутой до бровей шапке.

– Привет! – улыбнулась она, и Сёма заметил щербинку меж передних зубов.

– Привет, – ответил он скорее от растерянности, нежели из вежливости.

Эту девочку Сёма видел впервые, что странно: детей в деревне было немного, всех он так или иначе встречал. Может, она тоже приехала на время карантина? По возрасту подхо-

дила – на вид можно было дать лет девять-десять, как Сёме.

– Меня Люба зовут, – продолжала улыбаться она, совсем не смущённая тем, как внимательно Сёма её разглядывал. – А тебя как?

– Сёма, – так же растерянно представился он.

Её улыбка стала чуть шире.

– Хочешь, я тебя подтолкну?

– Что? – не понял Сёма, начиная сердиться на самого себя за заторможенность.

– Ну, подтолкну. Чтобы быстрее качаться. Так веселее!

И, не дожидаясь ответа, Люба обошла качель, встала за спиной Сёмы да как толкнула, что было мочи. А мочи, как оказалось, у Любы хватало: качель лихо поднялась вверх, земля опрокинулась, а Сёма аж пискнул – и тут же порадовался, что шарф скрадывал звуки.

– Эй, ты чего творишь?! – когда он в следующий раз открыл рот, Сёма звучал не испуганно, а возмущённо. – Нельзя ж так без предупреждения.

– Почему? – Люба вновь появилась в поле его зрения, склонила голову набок, как птичка. – Так же всегда интереснее.

Интереснее-то оно интереснее, но у Сёмы сердце в пятки ушло. По ощущением, так там и осталось: ноги почему-то ощущались как ватные, когда он упёрся ими в землю, заставляя качель замедлиться.

– Это невежливо! – не сразу придумал он довод. – Надо

сначала спросить!

– Хорошо, – Люба пожала плечами. – Спрашиваю: хочешь, я на «вертушке» тебя раскручу? Сильно, я могу!

Кажется, она своей силищей очень гордилась. Сёма, в принципе мог её понять, хотя это и было странно: обычно девочки не раскручивали мальчишек, а наоборот – притворялись маленькими и хрупкими и заставляли себе помогать. Люба была другая.

– Так что? – нетерпеливо вскинула она брови.

– А может, давай вместе? – сам себе поражаясь, предложил Сёма. – Если хорошенько оттолкнуться, то мы и без помощь сможем...

– Давай! – Люба даже не дала договорить, тут же кинулась к аттракциону. На полпути обернулась. – Ну, ты идёшь? А то её сейчас опять кто-нибудь займёт!

Сёма не стал говорить, что занимать некому: детсадовцы куда-то ушли, других ребят рядом не наблюдалось. Вместо того, чтобы спорить, он сорвался с места и стремглав бросился за Любой. Она очень по-девчоночьи засмеялась и бросилась от него – то ли наутёк, то ли наперегонки.

Конечно, Люба успела первой. Не дожидаясь Сёмы, она запрыгнула на платформу – та тут же закрутилась будто со скоростью света. Люба заверещала, присела на корточки, держась за поручни. И если с любой другой девчонкой Сёма подумал, что та испугалась, то тут было очевидно: Люба просто в восторге.

– Чего стоишь? – прокричала она так, что слышала, наверное, даже бабушка. – Давай теперь запрыгивай!

И Сёма, не думая, разбежался и скакнул прямо на крутящийся аттракцион. Только вцепившись в поручень и завизжав вместе с Любой, он подумал: а что, если бы он промазал и на этот самый поручень животом напоролся?

– Эй, Сёма! – донеслось до него сквозь свистящий ветер в ушах.

– Чего?!

– А с тобой весело! Давай чаще вместе играть!

– Давай! – крикнул он в ответ и услышал, как Люба снова весело рассмеялась.

Оказалось, «давай» было её любимым словом. В тот день Сёма услышал его ещё много раз и на разный манер. Иногда «давай» означало «слабо» – например, когда Люба предложила вместе спрыгнуть с качелей и посмотреть, у кого получится дальше. Иногда «давай» было скорее вопросом – когда она предлагала что-то, сама не уверенная, что это получится. И совсем редко «давай» становилось согласием – когда это Сёма предлагал во что-то сыграть.

– В слова? – с сомнением переспросила Люба в последний раз, когда они, запыхавшиеся, бухнулись на скамейку рядом с песочницей. Несколько раз она с шумом вздохнула, будто пытаясь остановить заполошное сердце и кинуться в новую авантюру, но потом поняла: не выйдет так быстро. И махнула, – Давай!

– Качеля, – оглядевшись по сторонам, начал Сёма. – Тебе на «я».

– Пффф, – Люба закатила глаза, будто на «я» было очень, очень много самых разных слов. – Янтарь. Тебе на «р».

Сёма покосился на неё с уважением. Он думал, Люба скажет «яблоко», как и все. Но Люба как все точно не была.

– Ррррр-ресторан!

– Невод!

– Дрова!

– Армия!

– Яб... – Сёма запнулся, когда Люба с хитрецей покосилась на него. – Ясли!

И она снова широко улыбнулась, показав щербинку между зубов. Сёма лениво подумал, что мог бы из-за этой щербинки её подразнить, но почему-то не стал. С Любой хотелось быть, как говорила мама, охб... *обходительным*. Мама говорила, что это как «вежливый», только чуточку лучше.

– Бабушкаааа!.. – спустя Сёма не знал сколько часов, он ввалился в прихожую, покрасневшийся и довольный.

– Да, мой яхонтовый? – баба Глаша появилась из кухни, вытирая руки вафельным полотенцем в крупный цветок.

– Бабушка, я тут с одной девочкой познакомился. А можно она у нас пообедает? – утирая потёкший в тепле нос ладонью, быстро пробубнил Сёма.

Бабушка покачала головой, подошла ближе, сунула ему

в руку невесть откуда взявшийся платок. Помолчала, пока Сёма смачно не высморкался и не посмотрел на неё снизу вверх. И, наконец, улыбнулась:

– Можно, конечно. Как твою девочку зовут?

– Люба! – Сёма уже кричал, выскакивая с порога обратно на свежую улицу.

Он не оглянулся и не видел, как улыбка бабушки на мгновение потухла, а потом разгорелась с новой силой – но уже неуловимо другая. Если бы Сёма был внимательным мальчиком, он бы сказал, что бабушка улыбается с грустинкой.

Но он ничего не заметил, ни когда вернулся домой, таща за руку свою новую подругу, ни когда вместе с ней вошёл в жаркую, натопленную кухню, ни когда проскользил вдаль по лавке, освобождая для Любы место.

– Вот, это Люба! – провозгласил он. – А это баба Глаша, моя бабушка!

– Очень приятно, – Сёма даже удивился, что Люба может быть такой вежливой. – У вас тут очень уютно!

– Спасибо, Любаша, – бабушка растроганно улыбнулась. – Ты давай, кушай. Ещё промедлишь, и всё остынет. А суп горячим есть надо!

Два раза Любе говорить не пришлось. Она послушно схватилась за ложку и зашвыркала домашней ухой, иногда чуть пыхтя: суп был ещё ой какой горячий!

– Приятного аппетита, – пробухтела она где-то между третьей и пятой ложкой.

– И тебе, – откликнулся поспешавший за ней Сёма.

– Приятного аппетита, Любаша, – поддакнула бабушка.

Сама она есть не спешила. Замерла с поварёшкой в руках возле плиты да смотрела, как они с Любой кушают. Может, радовалась, что им всё понравилось, мимоходом подумал Сёма, и на всякий случай уточнил:

– Всё очень вкусно, бабушка!

– Да? – переспросила она, будто он вырвал её из совсем других мыслей. – Ну, вот и славно. Я вам сейчас ещё оладушек достану, что с утра остались. Они не горячие, конечно, но тоже хороши. С мёдом или со сметанкой?

– С мёдом! – с набитым ртом пробухтела Люба.

– Со сметанкой! – одновременно выпалил Сёма.

Дети недовольно переглянулись, готовые спорить, но бабушка только рассмеялась и покачала головой:

– Значит, и то, и другое достану.

И они ели оладьи, кто с чем привык, и болтали о ерунде – Сёма не к месту вспомнил про «Остров сокровищ», а Люба подхватила и начала рассказывать про индейцев: ей про них тоже прочитали какую-то книжку.

– Только там индеец был один и был злой, но мне сестрёнка сказала, что на самом деле их много и они не все злые! – важно заявила она.

Сёма не сразу понял, что Люба пыталась описать «Приключения Тома Сойера». Он сам читал всего несколько глав в школе, и там не было никаких индейцев, а было только что-

то про забор, краску и злую тётку.

– А ты вот дочитай, – поучала его Люба. – Там ещё продолжение есть, про Гекслери... Геклри... про Гека, короче! Он Тому Сойеру лучший друг!

– А там есть индейцы? – уточнил Сёма.

– Не знаю, – она пожала плечами. – Её мне сестрёнка так и не прочитала.

Сёма не стал спрашивать, что мешает Любе прочитать книгу самой.

– А у меня нет сестёр, – вместо этого сказал он. – И братьев.

Они сидели в его комнате на кровати. Люба болтала ногами в воздухе, но, когда Сёма заговорил, вдруг остановилась. Она смотрела куда-то на коленки, так что Сёма не мог видеть её лица.

– Это грустно, – помедлив, проговорила Люба. – Одному всегда грустно.

Голос её звучал взросло и серьёзно, будто она знала, о чём говорила.

– Но ты не одна, – поспешил подбодрить её Сёма. – У тебя теперь есть я!

Когда Люба подняла голову, она опять широко улыбалась. Но, пускай Сёма и не мог доказать, он был уверен, что секунду назад она едва не расплакалась. Хотя он и не понимал, почему.

– Давай гулять дальше? – не дав ему задать какой-либо во-

прос, Люба спрыгнула с кровати, зарылась пальцами в жёсткий палас. – У тебя мяч есть? Можем взять!

Мяча у Сёмы не было, но Люба не расстроилась. Она и без мяча могла придумать, чем бы заняться. До вечера они успели поиграть в мушкетёров – сухие ветки деревьев заменили шпаги, в космонавтов – качель стала кораблём, запускаемым в небо, и даже немного в индейцев – для этого достаточно было бегать друг за другом со смешным улюлюканьем.

Когда Сёма вернулся домой, было уже почти темно. Это был первый день с начала карантина в школе, когда бабушке пришлось выходить на улицу и звать его со двора. И Сёме не было даже неловко из-за этого – только немного жалко, потому что с Любой пришлось расстаться.

– Давай я тебя до дома провожу? – предложил он, потому что мама учила, что так делают обходительные мальчики.

– Не, не надо. Я тут рядом живу, быстрее тебя добегу!

Сёма посмотрел на неё с сомнением.

– Спорим? – Люба скрестила руки на груди.

– Да разве ж это проверишь!

– А ты добеги до ворот и оглянись. Если меня не будет видно – значит, я уже домой добежала!

– Ага, или за углом спряталась!

– Я бы так никогда не сжульничала!

И почему-то Сёма поверил. Они и впрямь поспорили, и он побежал до дома так быстро, что в ушах засвистел ветер, а потом обернулся – а Любы не было и следа. Детская пло-

щадка стояла пустой, и только покачивающиеся качели указывали, что совсем недавно там кто-то был.

Утром Сёма подскочил в нетерпении. Никогда раньше он так быстро не умывался, не одевался и не завтракал. Бабушка только диву давалась, когда он чуть ли не залпом выпил кружку разбавленного молоком чая, протолкнул в горло горячий блинчик и выскочил из-за стола:

– Спасибобольшоеоченьвкуснояпобежал!

Протараторив прощание, он наспех накинул курточку, нахлобучил шапку набекрень и выбежал на улицу, ещё держа шарфик в руках. Сёма не обратил внимание, что на улице куда морозней вчерашнего и что ветер задувает за шиворот – ему было не до того, он бежал на детскую площадку!

Любы там не было, но Сёма не унывал. Они не договаривались, что сегодня встретятся, но он был уверен: Люба тоже хочет увидеться, и тоже придёт, и расскажет про ещё какую-нибудь здоровскую книжку, а потом они вместе придумают новую игру – как в космонавтов, только ещё лучше...

Мысли Сёмы неслись и неслись вдаль, как лихие скакуны у ковбоев, а сам он раскачивался на качелях – сильнее и сильнее, почти улетаая в космос. Время тоже летело: он сам не заметил, как солнце начало подкатываться к середине неба.

Но Любы всё не было. Она не пришла до обеда и не появилась после. Сёма ждал, сначала терпеливо, потом – не очень.

В какой-то момент разозлился, почувствовав себя преданным: он-то думал, они с ней друзья! Потом испугался, что Любой что-то случилось. Потом, наконец, признался себе, что просто очень-очень расстроен, потому что снова остался в деревне совсем один.

Домой Сёма не шёл, а плёлся. Он не думал об этом, но подсознательно ждал – вот сейчас, сейчас Люба окликнет его и позовёт играть со своим вечным «давай»!..

Люба не позвала.

Сёма сидел на кухне и тоскливо ковырял кашу. Ложка со скрипом проезжалась по дну тарелки туда-сюда, он сам морщился от неприятного звука, но упрямо продолжал. Бабушке же терпения хватило не так надолго.

– А ну-ка дай сюда, – перегнувшись через стол, она вытянула у Сёмы тарелку из-под носа. – Не хочешь есть – не ешь, но еду не мучай.

– Ладно, – Сёма пожал плечами и скользнул в бок по лавке, готовый встать.

– погоди, – остановила его бабушка.

Она убрала тарелку с недоеденной кашей подальше, медленно развернулась, опустилась напротив. Посмотрела на Сёму очень внимательно, даже пронзительно – он невольно поёжился. Раньше бабушка так на него не смотрела.

– По Любаше соскучился? – пронизательно спросила она.

– Нет, – поджал губы он.

Бабушка по-доброму улыбнулась и снова перегнулась че-

рез стол – на этот раз, чтобы потрепать Сёму по макушке. Он не успел увернуться, и она всё же взъерошила волосы, заставив их торчать в разные стороны, как гнездо.

– Скучаешь, я же вижу. Не думала я, что вы так подружитесь.

– Не думала?.. – Сёма нахмурился. – Ты её и раньше знала?!

– Знала, – бабушка согласно кивнула. – Очень-очень-очень давно.

Наверное, она ждала, что Сёма удивится. Или скажет, что этого не может быть и потребует объясниться. Или, может, просто ляпнет какую-то глупость.

Сёма молчал, скрестив руки на груди, и выглядел очень серьёзным ребёнком.

– Пойдём прогуляемся, – бабушка вдруг поднялась.

Они вышли на улицу, прошли по ней мимо однотипных деревянных заборчиков, кое-где слегка покосившихся. Вышли на детскую площадку – Сёма бросил на неё тоскливый взгляд, но не остановился. Почему-то он уже не ждал, что Люба появится.

Идти пришлось долго. Сёма устал, но не просил бабушку повременить. Он упрямо плёлся за ней – пока они не упёрлись в металлическую оградку. Сёма стоял, разинув рот: бабушка привела его на кладбище.

– Зачем?..

– Подожди, – прервала она его. – Тут недалеко. Ты всё

поймёшь.

И они пошли дальше, ещё чуть-чуть. На кладбище вечером никого не было, и было очень тихо. Сёма слушал только лёгкий шум ветра да шорох сухой травы под ногами. Он думал, что будет бояться, но нет – кладбище казалось очень мирным, спокойным.

На некоторых могилках явно кто-то недавно был: там было прибрано, сухая листва, собранная в холщовые мешки, дожидалась грузовика у дороги. Где-то лежали оставленные посетителями конфетки, где-то – маленькие гранёные рюмки. У одного из надгробий Сёма заметил игрушку, маленького коричневого мишку без одного глаза. Он не хотел думать, кому оставили этого мишку.

– Сюда, – бабушка приоткрыла одну из скрипучих калиток.

Сёма ступил за оградку и сразу вспомнил: здесь он уже был. Давно, ещё до школы, они приезжали с родителями на кладбище к прадедушке и прабабушке – Сёма их никогда не знал и много расспрашивал о том, какими они были. Мама вспоминала их с лёгкой, грустной улыбкой.

Тогда он почему-то не обратил внимания на третью могилку. Она стояла на том же участке, с краю, непохожая на две другие. Сейчас бабушка подтолкнула Сёму именно к ней.

– Прочитай, – попросила она.

Сёма подошёл ближе, прищурился. Начинало темнеть, в

полумраке трудно было разобрать буквы, поэтому он читал медленно – сначала складывал буквы в уме, и только потом разборчиво произносил вслух:

– Скворцова. Любовь. Валерьевна.

– Любовь, – повторила бабушка. – Её никто никогда так не называл.

– А как называли? – спросил Сёма, и по спине у него побежали мурашки.

– Любаша, – произнесла бабушка то, что он и так уже знал. – Её специально так назвали, чтобы красиво звучало: Глаша да Любаша. Мы были погодками, родились с разницей в год. Сейчас бы ей было семьдесят шесть лет.

Вот теперь Сёме стало страшно.

– Это что же... – он не справился с мыслями, замялся. – Я играл с?..

Называть Любу «мертвецом» было странно. Мертвецы были страшные, серые, с пустыми глазницами и замогильным голосом, а Люба была... нормальной. Весёлой, светловолосой, лохматой, с громким хохотом и ещё этой, щербинкой!

– С навьей, – подсказала бабушка. – Это духи умерших, ушедших раньше положенного срока. Вчера был единственный день в году, когда их можно увидеть.

– Почему я её раньше не видел? – Сёма всё ещё не мог отвести взгляд от надгробия, от имени и дат, указанных на нём. – Если она приходит каждый год?

– А когда ты последний раз выходил поиграть на улицу? – напомнила бабушка. – Она каждый год приходит туда, на площадку. Если там есть другие ребяташки, я её не зову – пусть резвится. Если никого нет, то приглашаю на обед.

– Почему она тебя не помнит? – наконец, Сёма обернулся. – Она вчера говорила про сестру, но не сказала, что это ты.

– Она ребёнок. Вечный ребёнок. Не думаю, что она до конца понимает, что случилось. Если её спросить, где её родители – она, возможно, скажет, что живёт с ними. А сестра... может, она думает, что я куда-то уехала. Мы в детстве говорили о том, чтобы уехать в город. Думали, там интереснее.

– Но ты не уехала. Ты из-за неё?..

– Да, – бабушка снова потрепала его по голове, но на этот раз прикосновение было похвалой за догадливость. – Мне мало кто верил, но я её видела. Раз в год, каждый год. В первый раз испугалась, конечно, прибежала домой зарёванная, руками размахивала – мама так перепугалась!.. Потом они её сами увидели, родители. Поэтому никуда и не уезжали, ни они, ни мы.

– А мама знает? Моя мама?

– Нет. Твоя мама – создание этого мира. Она очень рано перестала верить в мои «сказки», рано выросла. Потом уехала в университет и думать о нашей деревне забыла. Так и наезжает с тех пор временами. Но она молодец, твоя мама.

Очень умная, очень земная девочка, твёрдо стоит на ногах.

– Но она не знает, – Сёма покачал головой.

Почему-то это для него казалось неправильным: не знать, не верить.

– Многие не знают, – возразила бабушка. – Это нормально. Ты и сам почти перестал верить моим историям о водяных, домовых, болотницах.

– И они тоже настоящие?! – Сёма разинул рот.

– Настоящие, – улыбнулась бабушка. – И они, и мавки с русалками, и полевика с болотниками. То, что в них перестали верить, не значит, что их нет. Просто мы не обращаем на них внимания, отказываемся верить. Но иногда можно заметить движение краем глаза, и если очень быстро повернуться...

– Я помню, – Сёма кивнул. – Можно увидеть домового, ворующего печенье.

– Ну, почему же, ворующего. Печенье я специально для него и оставляю.

Домой шли медленно, разговаривая. Бабушка вспоминала Любашу, ласково звала её «живчиком». Говорила: Любаша всегда была такой – громкой, бойкой, фантазёркой. На улице была заводилой, даже мальчишки, и те её слушались! А как не слушаться, если у Любаша идеи были на загляденье, одна необычней другой.

– В кого мы только с ней не играли!.. Но я быстро выросла, точнее – хотела быть взрослой. Я же старшая, важная, негоже

мне с мелкой сестрёнкой возиться!

Во время одной из игр всё и случилось. Бабушка – одиннадцатилетняя серьёзная не по годам Глаша – осталась дома с книжкой про Гекельберри Финна. А Любаша побежала с мальчишками купаться на озеро. Вот только просто плавать ей было неинтересно, и Любаша предложила прыгать в воду да и нырять с разбегу.

– Она обо что-то ударилась, сильно. Но не утонула, нет – мальчики её вытащили на берег, позвали старших. А всё равно ж уже поздно было.

Бабушка говорила тихим, грустным голосом, но не плакала. Когда Сёма спросил, сказала – давно уже все слёзы выплакала, всю вину с своих плеч смыла.

– Мама говорила, Любаша ушла, потому что пришло её время. Я в детстве думала, это она меня так успокаивает, а теперь понимаю – всё правда. Каждому, Сёма, свой срок отмерян. Мой вот, уже почти семьдесят восемь годков. А её пора в десять пришла. Так бывает.

– И что, ты совсем не грустишь?

– Отчего же? Грущу. Думаю иногда, какой бы Любаша стала. Живу здесь, чтобы хоть раз в год её видеть, обмолвиться хоть словечком. И тебя, Сёма, специально сегодня на площадку отправила, чтобы с ней повстречался.

Сёма замер на пороге прихожей с открытым ртом.

– Стара я уже, Сёма. Кто за ней присмотрит, когда я уйду?

– Не говори так, бабушка! – выпалил он, подбежал к ней,

обхватил за пояс.

– Ну что ты, яхонтовый, – бабушка погладила его по спине. – В этом нет ничего плохого, я же только что сказала. Каждому свой срок отмерян, больше и лучше нам не прожить и не сделать. Хотя я ещё поживу! Юбилей точно справлю, вот увидишь.

– Точно?

– Точно! – она говорила так уверенно, что и Сёма поверил. – Но на всякий случай мне нужен кто-то ещё, кто бы про Любашу знал и помнил. Родители твои не поймут, поздно уже. А ты можешь.

– Могу! – решительно выпалил Сёма. – Я тоже буду сюда каждый год приезжать и играть с Любашей, и разговаривать, я всё ей объясню!..

– Не надо, – бабушка покачала головой. – Она всё равно потом не вспомнит. Она каждый раз приходит, будто ей всё ещё десять лет и буквально вчера они с мальчишками вместе играли на озере. Не надо её пугать, пусть так и будет.

– Ладно, – Сёма серьёзно кивнул. – Я буду с ней, это, обязательным.

– Ишь, каких умных словечек нахватался! Молодец, будь джентльменом.

Сёма не стал спрашивать, что это за «джентльмен» такой. Решил – узнает из книжек, ему вообще много чего предстояло прочитать.

– Бабушка?

– Ммм?

– А у тебя книжка про Гелькльбера Финна есть?